

Т.Ф.ВОЛКОВА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ В УСТНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПЕЧОРСКИХ КРЕСТЬЯН

Цель данной публикации — ввести в научный оборот некоторые материалы фонограммархива Проблемной лаборатории фольклорно-археографических исследований Сыктывкарского государственного университета, которые привлекли автора в связи с его работой над "Словарем книжников Нижней Печоры" (1). Поиски дополнительного материала о хранителях и создателях Усть-Цилемской рукописной традиции привели меня к фонду усть-цилемских записей, сделанных фольклористами нашей лаборатории и студентами-филологами СыктГУ в течение ряда экспедиций на Печору. Работа с материалами этого фонда позволила выделить ряд записей, относящихся к разряду исторической прозы, которые представляют интерес в контексте одной из сложнейших и интереснейших проблем изучения северных старообрядческих центров книжной и традиционной народной культуры — проблемы взаимодействия, взаимопроникновения двух традиций — письменной, книжной, связанной со средневековой книжной культурой, и устно-поэтической, народной.

Записи, относящиеся к исторической прозе, уже стали предметом изучения Т.С.Каневой, которая сделала первоначальную жанровую классификацию текстов усть-цилемской исторической прозы, составила их указатель, ввела в создаваемую членами компьютерную базу данных по истории традиционной культуры северных культурных центров на территории Республики Коми основные тексты по истории заселения Усть-Цилемского края и топонимические легенды и исследовала круг преданий о местном святом Иване, жителе одного из местных — цилемских — скитов на р.Тобыш (2). Мы продолжили изучение этого материала под интересующим нас углом зрения и представляем некото-

рые итоги проделанной работы.

Особую группу среди записей исторической прозы устьицелюмов составляют рассказы, представляющие собой пересказ различных литературных сюжетов (библейских — ветхозаветных и новозаветных, житийных, апокрифических, эсхатологических, духовных стихов). В настоящее время нами выделено 10 подобных сюжетов, краткий обзор которых представляем ниже.

Все рассматриваемые рассказы, как правило, на магнитофонных записях окружены разнообразным фольклорным материалом, органично звучат в контексте беседы, затрагивающей разные грани духовной жизни информантов — печорских старообрядцев: историю их семьи, воспоминания о свадебных ритуалах, игровых и хороводных песнях, христианских праздниках, пересказ быличек и топонимических легенд.

В этой небольшой группе рассказов мы выделили 3 подгруппы. *Первую* составляют 2 рассказа, представляющие собой интерпретацию известных библейских сюжетов. Они записаны от жительницы с.Трусово на Цильме Акулины Родионовны Носовой зимой 1990 г. В первом (3) пересказывается евангельский сюжет о Благовещении. Сохранив все основные элементы евангельского сюжета, рассказчица внесла в него оригинальный элемент: акт духовного зачатия Богородицы осмысливается ею в рамках сказочной традиции: "Вот в это Благовещение ангел с небеси сошел и заставил ей съесть яблоко". Далее приводится диалог-спор Богородицы и "ангела", прерываемый самой рассказчицей комментарием: "Ну, они долго препирались. Но она потом это съела яблоко и забеременела" (при этом "препирательство" мотивируется рассказчицей тем, что Мария осознавала себя замужней женщиной, и только сообщение о конечной — Божественной — цели предстоящего ей склонило Богородицу к послушанию). Народный взгляд на евангельские события проявился и в описании реакции Иосифа на происходящие с Марией после чудесного зачатия перемены: "Ну, забеременела, а потом все же с Осипом повенчались. И Осип глядит, что как это так она, говорит: "Глаз девичий, соски девичьи, но живот большой".

На подобную интерпретацию сюжета Благовещения данным информантом, по-видимому, оказал влияние другой известный библейский (но уже ветхозаветный) сюжет, который в том же году был пересказан Акулиной Родионовной нашим фольклористам — о грехопадении Адама и Евы в раю (4). Здесь образ рокового яблока, изменившего судьбы всего человеческого рода, конк-

ретизируется: нестойкость первых людей перед грехом мотивируется соблазнительным обликом запретных яблок: "Там (в раю. — Т.В.) тоже всяки плоды да яблоки, да на одной яблони всех красне были яблоки. Ну, Господь сказал, что с этой яблони не ешьте яблоки". Конкретизируются и обстоятельства раскрытия Богом "яблочного греха" Адама и Евы: "Господь пошел по своим владениям и увидел, что два яблока съедено". Далее снова, как и в первом рассказе, вводится диалог-спор, на этот раз Бога со своими созданиями: "Ну и стал им говорить. Они сначала отпирались. Ну и он говорит: "Если вы меня не слушаете, я вас турну на землю". Далее в соответствии с библейским текстом передается решение Творца относительно дальнейшей судьбы в материальном мире всех трех участников проступка: мужчины, женщины и Змея-соблазнителя: "Ты, мужик, будешь всю жизнь в поте-труде трудиться, раз не послушал. А ты, Ева, будешь детей рожать в муках. В родах мучиться будешь. За то тебе наказание. А, змея, ты будешь всю жизнь в земле ползать". Сюжет об изгнании первых людей из рая имеет в рассказе Акулины Родионовны интересное продолжение: Ева и на земле оказывается во власти "змеи" и становится в союзе с ней изобретательницей вина: "Но змея ишше же не успокоилась на этом. И она стала увещевать Еву, что есть такой корень очень вкусный и от которого пьянеют. Ну, Ева сначала противилась, но потом всё же змея ей уговорила. Они этот корень насобирали. Наварили пиво. И сами напились, и Адама угостили. И вот с этого время пошло это вино. Змея и женщина его сотворили".

Вторую группу рассказов составляют сюжеты, связанные с историей старообрядческого движения и судьбой первых его вождей и гонителей. Сюда входят: 2 рассказа об Аввакуме: в первом освещаются обстоятельства его появления в Пустозерске и описываются условия его писательского труда (5), во втором упоминается о составлении Аввакумом "Великого жития", о его казни ("сожгли в срубе") (6), в третьем сюжете (7) называются союзники Аввакума, с ним сгоревшие в Пустозерске, а как источник этих сведений указывается некая "старинная книга", которая попала в руки рассказчика — Иосифа Ивановича Дуркина из с.Усть-Цильма, хорошо известного археографам и подарившего нам много рукописей (8).

Далее выделяются два рассказа о патриархе Никоне: в первом (9), записанном от Агафьи Калиничны Андреевой из с.Замеж-

ное, с которой вели работу и археографы СыктГУ (10), повествуется о том, как Никон, "белобородый мордвин", соблазненный бесом, добровольно вызвавшимся на совещании в стане сатаны соблазнить русский народ, в свою очередь соблазнил царя "переменить" веру; во втором, записанном зимой 1988 г. в с.Трусово от Агафьи Степановны Носовой (11), акцентируется внимание на том, что Никон "...не святой. Он писателем был", а "писателям было, как святым, доверие большое". Однако писательская стезя по-своему опасна: "Писал, дак вот шишко смутил". В конце рассказчица все-таки не отказывает Никону и в святости: "он и святой был". И один сюжет посвящен взаимоотношениям Аввакума и Никона (12). Он был записан от Марфы Павловны Дуркиной из с.Новый Бор, тоже хорошо известной и археографам (13). В нем на первый план выдвинута тема неисповедимости судеб человеческих, преломленная через историю дружбы двух земляков, ставших заклетыми идейными врагами (14).

К этой же группе рассказов по истории старообрядчества можно отнести и рассказ о падении Соловецкого монастыря (15), записанный от той же А.К.Андреевой, выше упомянутой в связи с рассказами о Никоне. Многолетняя осада Соловецкого монастыря, иноки которого не поддержали церковную реформу Никона—Алексея Михайловича, продолжавшаяся с 1668 по 1676 гг., нашла отражение в целом ряде документальных и художественных памятников письменности и многочисленных устных рассказах. Среди них — отклики старообрядческих писателей — Аввакума, Игнатия Соловецкого, сочинение одного из основателей выголексинского общежития Семена Денисова "История о отцах и страдальцах Соловецких", написанная в начале XVIII в., духовные стихи о разорении Соловецкого монастыря "Что во славном было царстве во Московском государстве" (16).

В сюжете, записанном от Агафьи Калиничны, освещаются только события трагического для осажденных финала осады. Некоторые сюжетные мотивы его совпадают и с историческими источниками, и с названными выше литературными произведениями. К ним относятся мотив предательства в рядах осажденных, благодаря которому осаждающие монастырь посланцы царя смогли проникнуть за крепостные стены, и мотив внезапной болезни, а затем и смерти Алексея Михайловича, который все старообрядчес-

кие писатели, затрагивавшие тему "Соловецкого сидения", непосредственно связывали с распоряжением царя о взятии взбунтовавшегося монастыря. Вот как об этом рассказала Агафья Калинична : "...Едет этот в Онегу, гонщики едут, военные. На конях тогда ездили, поезда-то ишо не ходили, давно-то. А там служители-те говорят: "Три часа кто не будет служить, вставайте, служите. Вставайте!" Он и разбудил всех. Раз, да два, да и все будит. Стали служить. Пономарь пришел, который колокола-те звонит. Говорит:»Едут не то служить, не то воевать, не то разорять. Едут. Слышу с колокольни. На лошадях множество едут, на конях. И вооружены". Они слушат. Те приехали, сказали: "Заприте ворота, не запускайте их". А какой-те предатель запустил. Они и начали их тут: "Перейдите на нашу сторону!" Они не переходят служители никто. Кто перешли там из простых, может, тех не убивали. А которы не переходят, всех поубивали, служителей всех. И на лед пометали зимой. И едут обратно. Царь забоялся, послал гонщика: "Не разорять!" Сильно заболел. Гонщик приехал, говорит: "Уже обратно едут". Царь умер, тут же умер. "Едут, — говорит, —уже разорили".

Источники других сюжетных мотивов и деталей повествования в данном рассказе нами пока еще не выяснены. Скорее всего они восходят к духовному стиху о разорении Соловецкого монастыря, который, как указала Л.А.Петрова, бытовал на нижней Печоре (17). К числу таких мотивов можно отнести описание Белого моря, по которому «долго не могли корабли ходить», так как оно не могло растаять из-за вмерзших в лед многочисленных трупов: "То море-то Бело, долго стояло, на Белом-то море долго не могли корабли ходить, не тает. Потому что там трупы лежат. И кто-то подсказал:» Трупы вывезите на берег. Захороните». Вишь, на острове этот монастырь-от был, на островку. Вывезите и захороните трупы, и лед-от растает, корабли пойдут".

Отметим, что в сознании рассказчицы история разорения Соловецкого монастыря перекликалась с историей разорения местного — пижемского — Великопоженского скита, закончившаяся знаменитой «гарью» 1743 г. (18). Описав Соловецкий монастырь и место его нахождения ("4 километра что ли от Онеги"), рассказчица сообщает о том, что царь "послал... гонщиков монастырь разорять". И далее продолжает: "Вот и ехали тут разорить-то монастырь, на оленях-то, сюда-то в Скитску (19). Одновременно

везде царь объявил разорить монастыри все".

В заключение нашего обзора остановимся на группе рассказов, объединенных эсхатологической тематикой, которая пользовалась особой популярностью в старообрядческой среде (20). Отметим в первую очередь рассказ А.Р.Носовой (21) о том, кто попадает в рай и ад и что там происходит (записан зимой 1990 г.). Условия попадания в эти два сакральных пространства определены рассказчицей вполне традиционно: "Там уж кто в рай попадут, те уж безгрешны души, а кто с грехами, пьяницы да, воры да, те в ад попадут". Обстановка в раю описана также в традиционных мотивах: "Там всё уж будет хорошо, всё готово да баско да светло да сады да". При описании адских мук центральным становится образ котла, в котором варятся грешники: "Тех будут варить в котле, в огне. Варят, варят, переварят да опеть". Заканчивается рассказ резюме, в котором отразились представления об ограниченности долготерпения Божьего только земными пределами жизни человека: "И не будет им никакого прощения. Господь ведь терпит до конца, а мучить будет без конца".

В другом рассказе, записанном от того же информанта в 1990 г. (22), перечисляются признаки приближения конца света: появление на востоке огненного "столба", который "всех попалит", сбор людей из семи городов в один город. Довольно оригинально здесь описаны следствия Божественного гнева: мужчин вообще не будет, что мужчины скорее все погинут, женщины останутся», но участь их будет трагической — их ожидает массовое помешательство: "До того дойдут женщины, что если увидят медвежий след, то это не мой ли мужик прошел? — В общем, будут с ума сходить".

Упомяну и о другом сюжете, записанном от А.К.Андреевой в 1987 г. (23). В этом рассказе с наибольшей полнотой преломились апокалиптические мотивы Откровения Иоанна Богослова в сочетании с народными представлениями о том, какая участь ждет тех, кто при жизни знал с бесами. Эти люди в рассказе названы "чародеями", причем такое определение будет, по словам рассказчицы, обозначено у них на груди "белыми буквами". В рассказе о страшном суде присутствуют и "огненная река", и "шестокрылы ангелы небесны", которые в эту реку "всех сосвищут чародеев", и труба, возвещающая начало суда, и "небесная сила", стоящая "на воздухе" и облеченная в разноцветные одеяния. Подробно описывает рас-

сказчица и порядок прохождения перед взором Судии — Христа всех групп присутствующих на последнем суде: "Перва Богородица пойдѣт, апостолы пойдут, и все святильники пойдут в гору по лестнице подниматься". Находится место в этой процессии и простым людям, не обремененным грехами: "А нас за добры дела дак тоже пойдѣм взади в гору". Заканчивается рассказ описанием земли после страшного суда: "И земля будет как плита гладка, потому что лесу не будет и ниче не будет, ни воды". Особо подчеркивается перенаселенность земли после воскресения мертвых: "И то тесно стоять боком, не повернешься. Эти все будут живы, которы умерли. Умирали-то много. Все будут живы, дак тесно будет на земли-то".

Таковы основные группы сюжетов устной прозы, в той или иной степени связанной с литературными сюжетами. Этот материал нуждается в специальном источниковедческом изучении, он может дать много интересного и для изучения исторических и мифопоэтических представлений усть-цилемских старообрядцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О проекте Словаря см.: Волкова Т.Ф. "Словарь книжников Печоры" (задачи и проблемы издания) // Мир старообрядчества: Сборник научных трудов. Вып.4. М., 1998. С.116—122.

2. См.: Канева Т.С.: 1.Церковный летописец и устная историческая проза Усть-Цильмы // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Т.2. Сыктывкар, 1996. С.102—108; 2.К вопросу о специфике усть-цилемской фольклорной традиции // Рябининские чтения-95: Сб. докл. Петрозаводск, 1997. С.157—162.

3. ФА СыктГУ УЦ 03110-54 (с.Трусово, Носова Акулина Родионовна).

4. Там же. УЦ 03110-55 (с.Трусово, Носова Акулина Родионовна).

5. Там же. УЦ 0357-51-53 (с.Усть-Цильма, Вокуев Василий Трифонович)

6. Там же. УЦ 0342-36. (д.Филипповская (Цильма), Носов Фрол Федорович).

7. Там же. УЦ 0380-33 (с.Усть-Цильма, Дуркин Иосиф Иванович).

8. НБ СыктГУ УЦ р. 70, 87, 97, 113; УЦ п.38 (см.: Памятники письменности в хранилищах Коми АССР: каталог-путеводитель. Сыктывкар, 1989. Ч.1 Рукописные книги. Вып.1. Рукописные собрания Сыктывкарского государственного университета. С.179—180; 185, 188, 195.

9. ФА СыктГУ УЦ 0355-66 (с.Замезное, Андреева Агафья Калинична).

10. В 1986 г. А.Н.Власов, О.Ю.Майорова и Г.М.Прохоров, представлявший ИРЛИ РАН в экспедиции СыктГУ, получили от А.К.Андреевой рукописный Часослов — конволют начала XVIII и первой четверти XIX вв. (НБ СыктГУ

- УЦ р. 160; см.: Памятники письменности в хранилищах Коми АССР. С.223.
11. Там же. УЦ 0350-5 (с.Трусово, Носова Агафья Степановна)
12. Там же. УЦ 0368-75 (д.Новый Бор, Дуркина Марфа Павловна).
13. НБ СыктГУ УЦ р. 39,40,122,124,128,129,130 (см.: Памятники письменности в хранилищах Коми АССР. С. 160; 198—202).
14. Подробнее об этой группе устных рассказов устьицеломов см.: Волкова Т.Ф. Усть-цилемские предания о протопопе Аввакуме и патриархе Никоне. (По материалам фольклорного архива Проблемной лаборатории Сыктывкарского университета) // V Уральские археографические чтения. К 25-летию Уральской объединенной археографической экспедиции: Тезисы докладов научной конференции. Екатеринбург, 1998. С.20—23.
15. ФА СыктГУ УЦ 0355-67 (с.Замезное, Андреева Агафья Калинична).
16. См.: Демкова Н.С. Из истории ранней старообрядческой литературы. IV. "Исповедание" Игнатия Соловецкого (1682 г.) и отклики современников на разгром Соловецкого монастыря царскими войсками в 1676 г. // ТОДРЛ. Л., 1983. Т.37. С.318—325. Библиографию исследований о "Истории..." Семена Денисова см.: Понырко Н.В. Семен Денисов Вторушин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып.3 (XVII в.). Ч.3. П—С. С.332—335. Издание текстов см.: Повесть об осаде Соловецкого монастыря / Подгот. текста и коммент. Н.В.Понырко и Е.М.Юхименко // ПЛДР. XVII век. Книга первая. С.155—191; Челобитная царю Алексею Михайловичу Игнатия Соловецкого издавна: 1. Бубнов Н.Ю. Неизвестная челобитная дьякона Игнатия Соловецкого царю Федору Алексеевичу // Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С.92—114; новейшее издание см.: Памятники старообрядческой письменности / Подгот. текстов Н.Ю.Бубнова, Н.С.Демковой, О.В.Чумичевой. СПб., 1998. С.39—45.
17. Петрова Л.А. Духовные стихи в усть-цилемской рукописной традиции // Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера. Сыктывкар, 1989. С.94.
18. См. об этом: Малышев В.И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960. С.10—11; 167—195; Парамонова Т.Б. Бегство на Великие пожни // Родники Пармы: научно-популярный сборник. Сыктывкар, 1993. С.45—52.
19. Деревня Скитская образовалась на месте закрытого в 1854 г. Великопоженского скита.
20. См.: Гурьянова Н.С. Крестьянский антимоноархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988.
21. ФА СыктГУ УЦ 03110-52 (с.Трусово, Носова Акулина Родионовна).
22. Там же. УЦ 03110-51 (с.Трусово, Носова Акулина Родионовна).